

ОТЗЫВ

на диссертацию на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Андрейчук Ксении Руслановны на тему: «Философско-религиозная проблематика «Пенталогии Распятия» Пера Лагерквиста» по специальности 10.01.03 - «Литература народов стран зарубежья (литература Западной Европы и Америки)»

Диссертация Ксении Руслановны Андрейчук на тему: «Философско-религиозная проблематика «Пенталогии Распятия» Пера Лагерквиста» посвящена изучению позднего периода творчества шведского писателя, Лауреата Нобелевской премии 1951 года. «Пенталогия Распятия» Лагерквиста, избранная диссертанткой в качестве основного материала для филологического анализа, имеет притчевый и, по сути, мифологический характер, поскольку в основание сюжета этих романов заложены архетипические или «вечные» образы-сюжеты так или иначе связанные с евангельской традицией. Глубокий интерес писателя к жизни и к личности Христа и связанными с ним преданиями объясняется в работе Андрейчук усвоенным в детстве протестантским религиозным воспитанием, а также стремлением опровергнуть заложенные родителями основы в юности и ранней молодости, когда Лагерквист увлекся социалистическими идеями. Знакомство с широким кругом европейской культуры периода декаданса и модернизма, с творчеством Стриндберга, Ницше, Достоевского, Киркегора и других властителей дум молодых европейцев начала XX века еще углубляет этот разрыв, но одновременно подталкивает шведского писателя к попыткам наведения мостов между традиционной для его родины и новой модернистской культурой. Сложный комплекс решаемых писателем проблем подталкивает автора «Пенталогии Распятия» к полисемичной притчевой форме, множеству символов и постановке онтологический вопросов. Непростой комплекс философских, теологических и художественных

проблем стремиться разгадать и прокомментировать соискатель. С этим связана научная новизна работы Андрейчук и ее актуальность, поскольку ни в шведском, ни в отечественном литературоведении нет исчерпывающего анализа поздних романов Лагерквиста. Существуют в основном разрозненные наблюдения, достаточно субъективные оценки, которые приведены на страницах рассматриваемой диссертации, но нет глубокого, всестороннего анализа поэтики данных произведений, и исходящего из анализа их поэтики философского прочтения исследуемых романов.

В первой главе диссертации и в дальнейших аллюзиях на нее соискатель верно указывает на связь раннего творчества Пера Лагерквиста с экспрессионизмом, имевшим место в шведской литературе уже в поздних сочинениях Августа Стриндберга. Экспрессионизм, давший глубокие корни в германоязычных странах не только в литературе, но и в изобразительном искусстве, в музыке и театре, несомненно, оказал огромное влияние на формирование поэтики и самого Нобелевского лауреата 1951 года, и сохранился в его творческой лаборатории вплоть до последних написанных им текстов. Это, прежде всего, интерес и невероятное тяготение к теме смерти, до экспрессионизма уже обозначенный в символизме, а также посмертного существования человека или того, что от него остается (не могу сказать души в христианском ее понимании, поскольку Лагерквист во всех исследуемых романах как раз и отказывается от христианской модели странствий души по потустороннему миру). Уже в раннем заметном романе «Улыбка вечности» местом действия является место пребывания душ умерших, а смыслом - рассказы мертвецов, сидящих «где-то в темноте», о своей земной жизни, иногда страшной, мучительной, и при этом абсурдной, непонятной с точки зрения замысла Творца. В конце концов, мертвецы склоняются к бунту против несправедливости и бессмысленности божественного замысла, они отправляются на поиски Бога, собираясь предъявить свои претензии, но обнаруживают некоего старика, пилящего дрова, который объясняет, что, создавая людей, хотел, чтобы не было

пустоты, а получилось так, как получилось. Этот авторский миф, несмотря на острополемический философский контекст, по всей видимости, имеет глубокие фольклорные корни и восходит к ранним формам мифологического сознания древнегерманских народов, в котором нет еще гуманитарной составляющей посмертного воздаяния за земную жизнь, присущую развитым цивилизациям и мировым религиям. Английский антрополог, один из создателей ритуально-мифологической школы Э.Б.Тайлор утверждал, что: «...среди дикарей преобладает мысль о продолжении бытия души, подобного земной жизни [...], у цивилизованных же народов господствует [...] учение о суде и нравственном воздаянии» (Первобытная культура, с.306).

Действительно, изображение, нарисованное автором романа «Улыбка вечности» очень напоминает место обитания скандинавской богини подземного царства, дочери Локки, Хёлль, и лагерквистовский Бог-простак, не ведающий о том, что творит, тоже тип традиционной низовой народной культуры, как и все прочие персонажи романа. К сожалению, опираясь на мнение предшественников, автор диссертации отказывается от исследования моделей национальной, древнегерманской мифологии (с. 70), что не позволяет ей должным образом использовать существующую мощную теоретическую базу для анализа мифологических и символических форм в поздних романах Лагерквиста. А между тем современный исследователь модернистской и постмодернистской литературы должен понимать, что поэтика эпатажа, откровенная провокативность современного искусства не может черпать свои формы ниоткуда, как из площадной традиции, из культуры карнавала, самых низовых и одновременно архаических представлений мифологического сознания. В библиографии к диссертации, разумеется, есть работы М.М.Бахтина, но нет основополагающих для анализа полифонического романа (романа идей) работ о Рабле и важнейшей 4-ой главы из «Проблем поэтике Достоевского», где даны основные признаки меннипей, столь необходимые при анализе романов Лагерквиста; это

- опора на предание и свободный вымысел внутри предания, вплоть до цинично-разоблачительного; исключительная свобода сюжетного и философского вымысла;
- жанровое смешение, «диалогический» характер прозы; диалогический способ искания истины;
- синкриза и анакриза, провоцирование слова словом же;
- искание и испытание истины, исключительные ситуации; «последние вопросы»;
- провицирующая фантастика, амбивалентность образов и символов, и так далее, не буду перечислять всего.. Ряд этих признаков, которые робко, как впотьмах, нащупываются диссертанткой в текстах Лагерквиста так или иначе отражены в работе, но не сводятся к целостному видению поэтики всего замысла «Пенталогии».

Еще один важный момент теоретической беспомощности исследования связан с элементом карнавальской культуры – архетипом фигуры трикстера, так широко представленной и в скандинавской литературной традиции (Локки, Пер Гюнт), и в экспрессионизме в целом от Готфрида Бенна и Бертольда Брехта до Гюнтера Грасса, и, наконец, у самого Лагерквиста в романе «Карлик» этот архетип просто лежит на поверхности, поскольку традиционные воплощения трикстерства, это шут, плут, дурак, но и карлик, об образе которого на с.61 приведена цитата, которую я бы рекомендовала снять из соображений толерантности и гуманизма.

Скажу только, что сам Гофман, человек бесконечно одаренный самыми разнообразными талантами – музыкальными, певческими, художественными, литературными и даже юридическими, - был очень маленького роста и безмерно страдал от насмешек над своим недостатком, но мог и иронизировать над своей бедой.

В дальнейшем речь идет о том, что физическое «уродство» есть знак «морального калеки» (с. 61), хотя этот тезис позднее оспаривается при рассмотрении символизма женских образов, в которых «физические

недостатки» трактуются как «символ жестокости мира, его агрессии по отношению к беззащитным» (с.66), и с этим трудно не согласиться.

Но вернемся к архетипу трикстера, который, несомненно, воплощен в романе «Карлик», потому что неназванный автор дневника, составляющего текст романа, является не воплощением «зла вообще» (с.41), а образом души герцога, ренессансного тирана, в котором прочитывается миланский герцог Лодовико Моро, злой демон Леонардо, кстати, плохо кончивший. Карлик воплощает в жизнь все самые черные помыслы герцога, а посему является его темным двойником, которого не принято выставлять напоказ. Образ-символ Тени, двойника непосредственно восходит к близнечному мифу и архетипу трикстера, научно воссозданному в работах К.Г. Юнга и К. Кереньи в послесловии к публикации книги Пола Радина «Трикстар. Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К.Г. Юнга и К.Кереньи». Я не случайно акцентирую внимание диссертантки на этой работе, потому что и в «Пенталогии Распятия» центральные персонажи, исповедь которых и является материалом для философских экспериментов автора, представляются прекрасно выполненными вариациями этой архетипической модели. Модель двойничества в применении к роману «Варавва» использует и сама диссертантка (с.62).

Ксения Руслановна указывает на то, что в первом романе «Пенталогии Распятия» в центр повествования ставятся «судьбы тех персонажей, которые в Новом Завете являются второстепенными» (с.58). Мысль понятная, но выраженная несколько ученически. И Варавва, и Агасфер есть антагонисты Христа, жизнеописанию которого посвящены евангельские тексты. Жизнеописания его антагонистов-трикстеров, дают иной, часто пародийный ракурс восприятия сакральных текстов, обновляющие и воскрешающие первоначальные смыслы.

Варавва, разбойник и отцеубийца, «злодей» христианских повествований, идеальная фигура модернистской провокации, глазами которого только и может быть представлен сакральный сюжет. Избежав

казни вначале, поскольку вместо него был распят Христос, он все равно в конце романа будет распят, но до этого он пройдет через важнейшие для автора поиски веры и, не найдя Бога, не сможет обрести покой и уверовать в бессмертие души. На самом деле Варавва хочет найти Бога; он рвется к нему всем мощным телом, однако измученный, слабый человек с тонкими руками и бессильно свесившейся головой, недолго мучившийся на кресте, для него не Бог. Он становится свидетелем не только распятия, но и воскресения. Видит ангела с мечом, отвалившего камень пустой гробницы, видит и сияние вокруг живого Христа, и тьму, накрывшую Голгофу в момент смерти распятого, но всех этих чудес ему не достаточно. Он презирает христиан с их проповедью взаимной любви, жалеет забитую камнями Заячью Губу, хотя не жалел ни ее, ни ее дитя при жизни. Он хочет чего-то поразительного, яркого, внечеловеческого, а имеет дело с жалкими людьми, такими как воскрешенный из небытия Лазарь с серым лицом и опустошенным взглядом, который побывав за пределом жизни не увидел ничего... Варавва возвращается к разбойникам, но не может оставаться среди них. Трагические события страстной пятницы и того, что за ей последовало поселяют смуту в его душе и не позволяют жить по-прежнему. На своем пути он будет сеять смерть (книжник), видеть ее, умирать и воскресать, он увидит ад в шахтах на Кипре, он обретет и потеряет «брата» Саака, но не уверует до конца. Тема веры/неверия, так или иначе окруженная образами смерти, столь волнующая автора романа, будет все углубляться. В конце Варавва схвачен как христианин и примет смерть как христианин, так и не обретя Бога. Так и останется христианский символ хи-ро перечеркнутым на его рабской бирке, но достаточным для того, чтобы обречь героя на мученическую смерть.

Все романы Лагерквиста крепко сшиты, безупречны по композиции и образной системе, и требуют строго выстроенной системы координат. И выявление общих идей сопоставление этих романов с романами, например, Достоевского, должно быть более строгим и выверенным, чем в параграфе 2.2.3. Сама идея сопоставления двух вышеназванных писателей, которых

роднят «проклятые» вопросы: поиски Бога, богоискательства, упреки несправедливому Творцу, создавшему мир, исполненный страданий, отчаяния и несправедливости, проблема гордого человека, чей разум противится принятию чуда, не вызывает никаких возражений. Но сделано это неумело, на примере «Вараввы» и «Бесов», а не всего творческого пути, тем более что надежной теоретической базой здесь могли служить работы М.М.Бахтина (еще раз о площадной культуре!).

Трикстерская модель вполне применима и к прочим романам «Пенталогии Распятия», поскольку Агасфер, заботящийся о доходах своей лавки, гонит истерзанного Христа от своего порога. Он гораздо более современный персонаж, чем Варавва, поскольку предание о нем формируется в позднем Средневековье. Соединение Агасфера с Сивиллой является крайне любопытным экспериментом Лагерквиста. Импульс к возникновению замысла понятен: проклятие бога оборачивается для них бессмертием. Правда, 1000 лет жизни было обещано Аполлоном Кумской Сивилле, а не Дельфийской пифии, и этот мотив в романе редуцируется, но остается в подтексте. Сивилла, изменившая богу со смертным едва ли не большая преступница, чем Вечный Жид. В рассказе пифии диссертантка видит автобиографические аллюзии, а роман называет «автобиографическим» (с. 74 – 75), что является натяжкой. Писатель несомненно вкладывает в свои романы и в уста своих персонажей собственные мысли и чувства, особенно если это роман исповедальный. Надо просто точнее выбирать терминологию.

Анализируя роман «Сивилла» соискатель упорно отыскивает символику в группировке образов романа, например, в храмовом служке видит «символ однобокого восприятия реальности» (с.78), но не замечает символики или трактует эту символику без опоры на знание эволюции моделей мифологического сознания таких великолепно сделанных образов, как образы реки, любовного источника, огромного раскидистого дерева, пещеры, имеющих глубокие мифологические корни.

Роман «Сивилла», впрочем, как и другие романы писателя, демонстрируют глубочайшую в духе позитивизма эрудицию Пера Лагерквиста. Для комментирования этих текстов также необходимо глубоко входить в материал. Дельфийский Бог не наказывает изменившую ему невесту, он дарует ей приют в храме, помогает пройти сквозь разъяренную толпу, дает пищу и укрытие от грозы с помощью своих коз. Отношение языческого Бога к человеку личностное, вполне интимное, в то время как христианский бог мстителен и жесток. Поэтому древней пифии вряд ли пригодятся уроки христианского вероучения, тем более вложенные в уста Агасфера.

Дихотомия действительно, как и указывает соискатель, отличает философский контекст романа «Сивилла». Дихотомия аполлоническое – дионисийское блестяще представлена в работах Ницше «Рождение трагедии» и «Рождение трагедии из духа музыки», а также в комментариях к ним Викентия Вересаева и Вяч. Иванова, и описывать ее надо опираясь на приведенную в них терминологию. Несомненно, издание романов Лагерквиста в России требует глубокого научного комментария, соответствующего сложности и глубине текстов писателя. Я думаю, что оставшиеся в отзыве за пределами разбора тексты будут прочитаны в соответствии с высказанными пожеланиями.

В работе есть ряд исторических неточностей и непроработанных деталей, как на с. 56, но не будем заострять на них внимание.

В целом в представленной работе Ксения Руслановна при анализе «Пенталогии Распятия» эмпирически выходит на многие верные выводы и оценки. И в зрелых романах писателя она подмечает приемы экспрессионизма, относя его позднее творчество к модернистской литературе.

Работа написана хорошим литературным языком, имеет солидный библиографический аппарат. Автореферат отражает основные положения диссертации.

Указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 10.01.03 – «Литература народов стран зарубежья (литература Западной Европы и Америки)» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Андрейчук Ксения Руслановна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 – «Литература народов стран зарубежья (литература Западной Европы и Америки)».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,
ДОЛЖНОСТЬ структурное подразделение
профессор кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ
ОРГ. ПРАВ.ФОРМА «Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»

ФАМИЛИЯ Имя Отчество

подпись

Корнилова Елена Николаевна

Дата подписания 21 января 2018 г.

Контактные данные:

тел.: 7(926)4661240, e-mail: ekornilova@mail.ru

Иванов ЗИДЕРЯЮ
Зав. канцелярией
ЛАСКЕВИЧ И.В.

Специальность, по которой оппонентом защищена диссертация:

10.01.03 - «Литература народов стран зарубежья (литература Западной Европы и Америки)»

Адрес места работы: 125009, г. Москва, ул. Моховая, 9

Факультет журналистики МГУ

Тел.: +7 (495) 629-37-80; e-mail: kafedra.zarubezhka@mail.ru